

Комаров Сергей
Васильевич.

9.06.00г.

ВETERАНЫ КИНЕМАТОГРАФА

Сергей Васильевич КОМАРОВ: «Было и голодно, было и холодно — было всякое. Но было интересно...»

СКН Москва — 2000 — 9 июня — с 8 — 9.

20 мая Сергею Васильевичу Комарову — доктору искусствоведения, профессору ВГИК, обладателю диплома «Гран При» за создание первой в мире фильмотеки, одному из основоположников киноведения России в области зарубежного кино — исполнилось 95 лет.

СКН: Сергей Васильевич, две Ваших книги готовятся к изданию?

Сергей Комаров: Одна уже вышла в издательстве ВГИК — «Жизнь длиной в век». Это не биография, и даже не мемуары, а, я бы сказал, синопсис будущего сценария, то есть краткое изложение того, что будет в моей объемной книге воспоминаний. Но так как я работаю над ней сейчас, а возраст такой, что я могу в любой момент уйти из жизни (это же естественно), то я сделал как бы выборку того, что будет в моей большой книге. Это о моей личной жизни. Там весь путь за 74 года работы во ВГИКе.

СКН: Вам сегодня 95 лет — почти целый век! И вы бодры, энергичны и весь в работе. Не чудо ли это? Вы — участник истории кино России. Вы надеетесь на возрождение российского кино?

С.К.: На моей памяти все было: и рождение, и упадок, и малокартинье. Я убежден: наши кинематографисты по природному дарованию стоят выше, чем

европейские. Ведь Россия — страна Толстого, Чайковского, Чехова. Их произведения все время ставят в Европе.

Раньше кинематограф финансировался и организовывался государством, правительством. Наши послевоенные режиссеры, воспитанные на идеалах светлого коммунистического будущего, ставили фильмы от чистого сердца. Из-за того, что система была разрушена, получилось, что отняли идеал. У нас в стране очень талантливые люди, и мы не утратили своего творческого потенциала. В современных условиях приходится идти к тому, у кого деньги, а кто платит, тот и заказывает музыку. И если фильм не удался, я обвиняю не режиссера, а продюсера.

СКН: Сегодня в кинематографических кругах бытует термин «коммерческое кино». Как вы к нему относитесь?

С.К.: Плохое коммерческое кино — плохое кино, хорошее коммерческое кино — хорошее. Для меня хороша та картина, которую смотрит миллионная аудитория. Искусство кинематографа — массовое, в этом его сила. И не надо забывать, что по доходности кино стояло на третьем месте после металла и водки.

А чтобы создать авторский фильм, нужны особые способности и особый талант. Еще Чаплин говорил, что просто делать — это так трудно! Поэтому он делал

по 70-80 дублей. Сейчас многие американские фильмы — это даже не подражание, а штампы одного и того же эталона, с различием только по количеству убийств, разбитых автомобилей и так далее.

СКН: Как вы думаете, у студентов-режиссеров ВГИКа есть шансы реализовать себя в нынешних условиях?

С.К.: Дело не в студентах, дело в педагогах — вот в чем проблема. Нет Ромма, нет Довженко, нет Эйзенштейна — тех, кто передавал определенный потенциал своей творческой энергии студентам. Людей, рожденных педагогами — единицы. И те единицы ушли либо в вечность, либо на покой. Молодым руководителям мастерских нужно начинать со своих картин. На лекциях Эйзенштейна, с которым мы дружили, разбор начинался с его картины. Вот он делает очередную картину — и, зараженный идеей, тут же дает задания, разработки. Так возникало чудо творчества у нас на глазах и вместе с нами.

А вообще, всем студентам советую с первого курса заниматься иностранным языком. В наших условиях хотя бы один надо знать, как родной. Второй — желательно.

СКН: Расскажите, пожалуйста, с чего начиналось киноведение в России и, в частности, во ВГИКе?

С.К.: Киноведение начиналось в МГУ,

на факультете литературы и искусств — это был киноцикл, — а затем появилось в ГИКе, будущем ВГИКе. Нас было восемь человек в этом киноцикле. Лекции читали педагоги, получившие образование еще в царском университете, поэтому кругозор, широта взглядов позволяли увидеть, насколько беден кинематограф исследованиями. Мы начинали вместе с Ильей Вайсфельдом, убедили профессора Орлова в том, что важнейшее из искусств не изучают, а надо бы изучать! Начали с того, что взяли из смежных искусств то, что нужно для изучения нового искусства, потому что у кинематографа не было науки. Кулешов

ВETERАНЫ КИНЕМАТОГРАФА

СКН Москва — 2000 — 9 июня — с 8 — 9.

создал школу режиссуры и актерского мастерства, он был родоначальником этого направления, а я был основателем киноведения.

Я был заведующим кабинетом экспериментального киноведения и фильмотек, спасал коробки с фильмами, которые выбрасывались на свалку, ведь фильмотеки, по сути, не было, ее надо было создавать. Однажды я ехал на трамвае, и вижу: стоит полуторка, а из нее разгружают коробки. Я вышел, посмотрел — оказалось, коробки с фильмами. Я настоял на том, чтобы коробки передали ВГИКу, и шофер за бутылку спирта, которым мы промывали пленки, помог доставить коробки в фильмотеку.

В 1937г., я получил во Франции диплом «Гран При» за создание первой в мире фильмотеки. После войны мы передали 2500 фильмов в Госфильмофонд, т.к. горючую пленку, по технике пожарной безопасности, хранить было нельзя.

СКН: Почему в свое время было принято решение объединить киноведческий и сценарный факультеты?

С.К.: Это расширяло профессиональные горизонты, давало сценаристу право заниматься не только литературой, но и критикой, и редактурой, и т.д. Это была дань времени, поскольку объединенный факультет был создан в период малокартинья — 12 картин в год.

СКН: Скажите, ваша семья была каким-то образом связана с кино?

С.К.: Сам я родился в Москве, но жил в деревне. Ситуация сложилась анекдотичная: меня крестили в церкви Рождества Христова на углу улицы Воровского, там, где позже был Дом кино — получается, меня окрестили в кинематограф. А в деревне мне, городскому мальчику, пришлось и пахать, и косить. К искусству я тянулся все-таки. Конечно, овладеть знаниями в области кино было очень сложно. Но при приеме в ГТК (государственный техникум кинематографии) я попал к Кулешову, который называл меня потом своим крест-

ником. Он-то и заметил, что у меня аналитический склад ума, что мне надо заниматься наукой. Я поставил один документальный фильм, но понял, что я — не режиссер.

Мы с женой вместе учились в ГТК. Она была на курс старше меня. И она всю жизнь проработала в кинематографе. Внешне она была очень интересной, закончила актерский факультет, но все-таки призвания к режиссуре у нее было больше, чем к актерскому мастерству. Она работала сначала режиссером-монтажером, затем стала снимать короткометражные учебные фильмы и до последних дней работала уже как режиссер научно-популярного фильма.

Детей у нас не было. Но так получалось, что дом наш всегда был заполнен ребятами — учениками. То одному надо помочь, то другому. Один жил у нас два года, пока учился во ВГИКе, так как не был москвичом. Но он был нам как родной. Потом я его женил, потом крестил его детей...

Моя жизнь была насыщенной, интересной. Многие я создавал впервые. Например, впервые создал интернациональный студенческий кино клуб. Проводились встречи с ведущими мастерами кино, показы кинокартин, обсуждение фильмов. Я руководил клубом 20 лет. Побывал в 22-х странах, т.к. являлся президентом и вице-президентом ряда международных организаций.

Было и голодно, было и холодно — было всякое. Но было интересно. Может быть, потому, что у меня характер такой: начинать все с начала. Я всегда должен что-то делать, что-то создавать. К юбилею меня наградили орденом «За заслуги перед Отечеством», пришла поздравительная телеграмма за подписью В.Путина. Это, конечно, не главное, но значит, меня знают, помнят. Это приятно.

Подготовила
Ирина Штефанова